

Супруга Тун думала, что тот затаил дурные мысли, и потому не жалела слов:

— И какая польза с того, что ты взял жену в дом? Жены в других семьях и сочувствуют, и чай подают, да только моя доля горька...

— Матушка! — Тун Сю, вернувшись с коромыслом, услышал насмешки супруги Тун и вбежал внутрь.

Он испытывал перед Суй Чжунем чувство вины.

С самого начала он не слишком поддерживал затею матери насильно привязать к их дому незнакомого мужчину в роли жены.

К тому же, эта жена еще вчера помогла им.

Он никак не мог смотреть, как мать притесняет человека, ответившего добром на зло.

Впрочем, ранить сердце матери он, конечно, тоже не хотел.

— Матушка, он-то чаю подать готов, да только осмелишься ли ты выпить? — Тун Сю улыбнулся, сжав губы.

Эта улыбка разрядила ледяную обстановку.

Супруга Тун вспомнила вчерашнюю чашку, раздавленную на три осколка, и тоже немного оробела.

— Хм!

Она смущенно поднялась на ноги:

— Куда уж мне до такого счастья!

Затем она бросила взгляд на Тун Сю:

— Это ты-то! Только женился, а уже кинулся защищать жену? Совсем мать забыл, стоило жениться!

От этих слов Тун Сю густо покраснел.

Теперь на душе у нее полегчало.

— Ладно-ладно.

Супруга Тун не стала придирается к собственному сыну, лишь бросила косой взгляд на Суй Чжуня:

— Проснулся — так поднимайся быстрее, дел по дому еще невпроворот!

И, махнув рукой, вышла.

Прохладная комната мгновенно словно наполнилась жарким теплом.

Казалось, ночное телесное тепло все еще ощущалось рядом.

Личико Тун Сю и без того было алым, а теперь покраснели даже мочки ушей.

Он украдкой глянул на кровать: мужчина прятался под тусклым одеялом, и выражения его лица было не разглядеть.

— Ты... Матушка просто такая, у нее язык острый, а сердце мягкое, ты не принимай ее слова близко к сердцу, — робко произнес он.

Суй Чжунь по-прежнему молчал.

Тун Сю тут же слегка занервничал, и в его глазках мелькнула тревога:

— Ты сердишься? Прости, я знаю, что ты не хотел этого брака, но ты вчера так нам помог, я очень благодарен тебе, только... только...

Что именно «только», он и сам не мог выговорить.

Вчера все ведь видели, сваха тоже была, свадьба состоялась.

Он решительно не мог произнести слов вроде «если ты и правда не хочешь, уходи», ведь в таком случае — не говоря уже о его собственной жизни и чести матери — вся их семья из трех человек, пожалуй, до конца дней осталась бы грязью под чужими ногами.

Которую топчет каждый встречный.

Оказавшись меж двух огней, паренек почувствовал такую вину, что у него даже глаза покраснели, а крупные слезы едва держались на ресницах.

Суй Чжунь указал на горло и, приложив невероятные усилия, с трудом выдавил из себя всего один слог:

— Болит...

Голос звучал так, будто его наждачной бумагой оттерли.

Тун Сю тут же всё понял:

— У тебя горло болит? Говорить не можешь?

А затем запоздало испугался:

— Неужто простудился? Это же беда!

В древности простуда и впрямь могла стать смертельной, особенно для бедняков: каким бы крепким ни был мужчина, стоило ему подхватить простуду и запустить ее до кашля, то есть воспаления легких, как он либо умирал, либо становился калекой.

У паренька тут же брызнули слезы, полившись ручьем, словно стоили сущие гроши; он шмыгал носом и одновременно закутывал Суй Чжуна в одеяло так плотно, чтобы не осталось ни единой щели:

— Как ты сейчас себя чувствуешь? Холодно? Тебя знобит? Не кашляешь? В груди не болит? Нет, так нельзя, я пойду к матушке, схожу за лекарством...

Суй Чжунь схватил его за руку и покачал головой.

Избавь бог, он всего-навсего застудил горло и чувствует боль в горле, незачем сломя голову бежать за каким-нибудь шарлатаном, который пропишет ядерные снадобья — что делать, если от них на тот свет отправишься?

Он совершенно не доверял древней медицине, особенно в этой бедной горной деревушке.

Но паренек его слушать не стал.

Тун Сю выбежал наружу, и не прошло и мгновения, как супруга Тун вернулась.

Вид у нее был всё еще недовольный.

В этом недовольстве проступала капля тревоги.

— С чего это он заболел? Вот же здоровый какой, мордатый. Ты просто слишком трясешься над своей женой.

Она оглядела Суй Чжуня с ног до головы — то ли говоря это для Тун Сю, то ли пытаясь успокоить саму себя.

И в конце концов вынесла вердикт:

— С чего бы ему так легко умереть, давайте еще пару дней посмотрим.

Заметив, что Тун Сю по-прежнему полон тревоги, супруга Тун сжала зубы и добавила:

— Побольше пейте рисового отвара, разве есть что-то, что не пройдет от пары мисок горячего рисового отвара!

Оставалось только смириться.

Как же дорого стоили лекарства, не зря говорили, что золотые и серебряные горшки не сравнятся с горшком аптекарским; когда в бедной семье кто-то заболел, разве кто-то не переживал хворь на зубах?

Хотя Тун Сю и надеялся раздобыть для Суй Чжуна лекарств, он отлично понимал, каково положение их семьи.

Купи они эти лекарства, и впору было бы затягивать пояса еще туже.

Что ж, обойдутся рисовым отваром; рисовый отвар — вещь хорошая, обычно дома и зерна-то жалели на такое варево.

Супруга Тун ушла в поле, а Тун Сю споро подоткнул одеяло за Суй Чжунем и отправился на кухню варить рисовый отвар.

Сначала он взял ключ и открыл шкаф.

Рис и мука в деревне — это была сама жизнь, их обязательно запирали на замок.

В шкафу лежало несколько матерчатых мешков, и, когда Тун Сю развязал один из них, в глаза бросился золотистый рис — такой соблазнительный.

Он сглотнул слюну.

Что и говорить о желтом рисе, дома уже давно не ели даже белого; ели сплошную смесь из разных злаков да бобов, отчего в животе урчало с самого утра до вечера.

Но сегодня он готовил не для себя, а для жены.

Он невольно улыбнулся, взял треснутую с одного края миску и зачерпнул ею прямо из мешка.

По соображениям супруги Тун, следовало взять полмиски — горсти вполне хватило бы.

Но Тун Сю подумал немного, закусил губу и зачерпнул еще раз.

Тщательно промыв рис, он высыпал его в кипящую воду, дождался, пока она бурно закипит, ложкой снял пену, помешал в котелке, после чего оставил вариться на открытом огне, поджидая рядом.

Малыш, этот раздел еще не закончился, пожалуйста, нажми на следующую страницу, чтобы читать дальше!

Когда рисовая вода стала густой, он накрыл котелок крышкой и дал настояться еще немного, чтобы выступило рисовое масло.

Тун Сю сначала перелил рисовое масло в маленькую пиалу, а затем разложил по мискам сварившуюся кашу.

Как раз на одну порцию.

Когда он принес еду в комнату, Суй Чжунь уже был голоден настолько, что живот прилип к спине.

Увидев еду, он, еще мгновение назад чувствовавший такую слабость в руках, что не мог удержать одеяло, обрел небывалую силу, перехватил миску и принялся жадно пить.

— Осторожно, горячо! — испуганно воскликнул Тун Сю.

Но разве Суй Чжунь мог теперь думать об этом? Пусть даже он обожжет губы до волдырей, его желудок не мог ждать ни секунды.

То морщась от обжигающего жара, то шумно прихлебывая, он в мгновение ока прикончил всю порцию.

Тун Сю сначала испугался, а под конец прикрыл рот рукой и украдкой усмехнулся.

Этот здоровяк с виду такой свирепый, а за едой — сущий большой ребенок.

Вдохнув сладковатый аромат рисовой каши в воздухе, Тун Сю почувствовал, как на душе у него тоже стало сладко.

Стоило горячей каше опуститься в желудок, как Суй Чжуню сразу полегчало.

Пусть наесться досыта не удалось, но саднящее горло и пустой желудок получили величайшее утешение.

Его расслабленность и удовлетворение передались и Тун Сю.

Лицо паренька разгладилось, он собрал миски и ложки и, подпрыгивая, убежал работать.

Суй Чжунь же продолжил мирно спать.

Так незаметно пролетело три дня.

Суй Чжунь ел и спал, чувствуя себя превосходно.

Однако кое-кто был недоволен.

Супруга Тун велела сварить рисовый отвар, а Тун Сю в итоге сварил рисовую кашу — сколько же риса на это ушло!

Она разрывалась от досады, но, вспомнив, что здоровяк поправится и в будущем сможет пахать по десять му земли, решила считать эти миски каши выгодным вложением.

Поэтому, видя, как Тун Сю с расточительностью носит то масло, то кашу, она не стала запрещать.

Лишь каждый раз при встрече ее лицо сжималось в комок, а зубы скрипели от злости.